

И. Мухиддинов

**ЖАТВА И СВЯЗАННЫЕ С НЕЮ
ОБРЯДЫ В ВАХАНЕ И ИШКАШИМЕ
(XIX — НАЧАЛО XX ВЕКА)**

(МАТЕРИАЛЫ
К ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОМУ
АТЛАСУ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ)

Предлагаемая статья написана на основе материалов, собранных автором во время экспедиций в 1968, 1969 и 1970 годах в Ишкашимский район Горно-Бадахшанской автономной области Таджикской ССР (ГБАО). Работа проводилась в Вахане и Ишкашме, представлявших собою в XIX в. мелкие феодальные владения, попадавшие периодически в политическую зависимость от более могущественных соседей — Афганистана и Бухарского эмирата. Большинство населения Вахана и Ишкашима — малочисленные этнографические группы так называемых «памирских таджиков»¹: ваханцы («вахи», «вахони», живущие ныне в пределах ГБАО в сельсоветах Зунг, Вранг и Шитхарв), ишкашимцы («ишкошими» — в сельсовете Ишкашим), языки которых относятся к восточно-иранской группе и таджикоязычные горонцы² (проживающие в сельсоветах Қоздеҳ и Андароб).

Основным занятием населения и в прошлом было земледелие и скотоводство. Домашние промыслы и ремесла имели меньшее значение в хозяйстве.

Западный Памир, в том числе Вахан и Ишкашим, характеризуются чрезвычайной географической изолированностью: труднопроходимые горные хребты, осыпи, узкие долины рек, на конусах выносов которых и на террасах располагаются селения. Климат континентальный, сухой (средняя температура января — 7,4°, июля + 22,5°). Почвы — горностепные. Выше 4000 м над уровнем моря — альпийские луга, издавна используемые как пастбища, а в долинах до 3000 м и немного выше — развито высочайшее земледелие.

Пахотных участков, расположенных на ровной местности, мало. Большая часть посевных земель находится на горных склонах или конусах выноса боковых притоков р. Пяндж, зачастую выше 3000 м над уровнем моря.

¹ Исследователи называли эти народности «горцами верховьев Пянджа», «иранскими племенами Западного Памира», «припамирскими народностями», «памирскими таджиками». Последние два термина утвердились в советской этнографической литературе. См. также: А. Г. Биснек, Н. М. Зельдович, Этнография народов Памира, «Сов. этнография», т. III, М., 1940; М. С. Андреев, А. А. Половцев, Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии. Ишкашим и Вахан, Спб., 1911; А. К. Писарчик, Памирские таджики, в кн.: «Народы Средней Азии и Казахстана», т. I, М., 1962; Л. Ф. Моногарова, Этнические процессы на Западном Памире, «Сов. этнография», 1965, № 6.

² А. З. Розенфельд, Таджикоязычное население Советского Бадахшана, «Сов. этнография», 1963, № 1; Ю. И. Богорад, Горонский говор таджикского языка, «Иранский сборник», М., 1963.

Климат здесь сухой, поэтому земледелие издавна основано на искусственном орошении «горно-ручейкового типа», по определению Б. В. Андрианова³. Сеют только яровые культуры, так как из-за недостатка осадков и сильных зимних морозов озимый сев невозможен.

Из зерновых культур выращивают пшеницу — «гыдим»⁴ (Вахан), «гундым» (Ишкашим); ячмень — «йирхк», «хычыш» (Вахан), «вурвыс» (Ишкашим); рожь⁵ — «лашык» (Ишкашим); просо «йерз» (Вахан), «уждын» (Ишкашим). Из бобовых сеют бобы — «бокло» (Вахан, Ишкашим), чина — «шах» (Вахан), «мыжик» (Ишкашим), «крош» (Вахан), «патык» (Ишкашим); из масличных — лен — «кытнык» (Вахан), «катонык» (Ишкашим). Из кормовых трав немногие зажиточные крестьяне выращивали только люцерну — «вычырк» (Вахан) «гырик» (Ишкашим). Все эти культуры сеяли по народному календарю после Нового года — «Навуруза» (с 21—22 марта) и по 21 мая (Вахан) или по 20 июня (Ишкашим).

Жатва «дырыв» (Вахан), «дырайук» (Ишкашим) зерновых и бобовых культур производилась ручным способом. Жатва культур раннего сева начинается по народному сельскохозяйственному календарю в период «хампаз» — «все созревает»; при благоприятной погоде жнут со второй недели августа, при неблагоприятной — начало жатвы отодвигается на неделю и больше, а пшеницы — до конца сентября.

Высокогорные условия с ранним выпадением осадков и наступлением заморозков вынуждали сосредоточить всю основную рабочую силу на уборке в первую очередь зерновых культур. Жатвой в основном занимались мужчины. При остром недостатке рабочих рук в хозяйстве мужчинам помогали женщины и подростки обоего пола.

Наши материалы опровергают утверждение А. Серебренникова о том, что на Памире жатвой занимались только женщины⁶. Связывание снопов («дырзгвиндак» в Вахане, «дарза вонд» в Ишкашине) было работой женщин. За двумя-тремя жнецами связывала снопы одна вязальщица, а наиболее опытные из вязальщиц успевали, по сведениям информаторов, связывать снопы за пятью жнецами. Девочки и пожилые женщины собирали колосья. Попутно отметим, что если кто-либо созывал односельчан во время жатвы на «помочь» («кыряр»), то женщины в ней не участвовали, снопы связывали мужчины, за пятью жнецами шел один вязальщик снопов.

Главным орудием жатвы был железный серп местного производства с гладким лезвием.

Об орудиях жатвы в Средней Азии существует значительная литература⁷, однако изучением серпов почти никто специально не занимался.

³ Б. В. Андрианов, Изучение горной ирригации на юге Таджикистана и на Западном Памире, в сб. «Итоги полевых работ Ин-та этнографии АН СССР в 1970 г.», М., 1971, стр. 63.

⁴ При написании местных терминов буква «ы» всюду обозначает неогубленный гласный звук заднего ряда.

⁵ Рожь сеяли в Гороне от кишлака Хасхараг до кишлака Ныд (ныне районный центр Ишкашим), так как выше по течению Пянджа она не вызревала.

⁶ А. Серебренников, Очерк Памира, Спб., 1900, стр. 71.

⁷ См. например: А. А. Семенов, Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза, М., 1903; М. С. Андреев, А. А. Половцев, Указ. раб.; Н. А. Кисляков, Старинные приемы земледельческой техники и обряды, связанные с земледелием у таджиков бассейна реки Хингоу, «Сов. этнография», 1947, № 1; его же, Таджики, «Народы Средней Азии и Казахстана», т. I, М., 1962; М. Р. Рахимов, Земледелие таджиков бассейна р. Хингоу в дореволюционный период, «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН ТаджССР», т. XLIII, Сталинабад, 1957; его же, Сельское хозяйство, в кн.: «Таджики Каратегина и Дарваза», вып. I, Душанбе, 1966; Н. Н. Ершов, Сельское хозяйство таджиков Ленинабадского района Таджикской ССР перед Октябрьской революцией, «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН ТаджССР», т. XXVIII, Сталинабад, 1960.

Орудия жатвы у памирских таджиков представляют большой интерес. Железным серпам «зитр» (Вахан), «дур» (Ишкашим)⁸ с гладким лезвием, по-видимому, предшествовали, как и у некоторых других горцев, серпы из рога горного козла⁹. Вогнутую часть рога затачивали на камне, а основание делали более тонким, чтобы было удобнее держать.

В XIX в. железные серпы были дороги и приобрести их в необходимом количестве большинство крестьян не могло. Поэтому жали серпами из рога дикого козла, но так как эти серпы были недостаточно остры и не очень хорошо срезали колосья, то такая жатва сопровождалась еще более древним приемом — выдергиванием с корнем стеблей злаков руками.

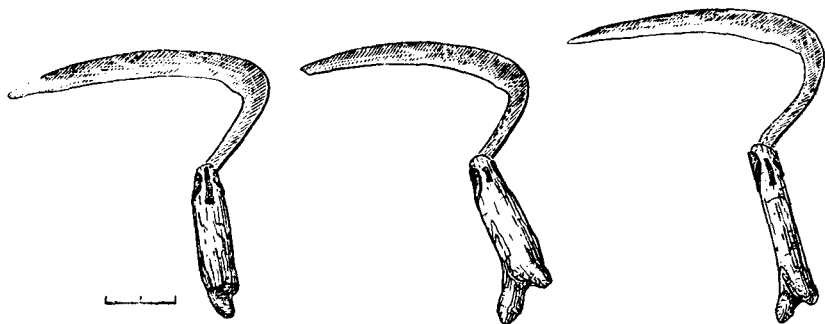

Рис. 1. Серпы: зитр (Вахан) и дур (Ишкашим)

В прошлом из-за дороговизны железа серпы изготавливали с маленькими лезвиями (10—15 см), как у серпов для детей в наше время¹⁰. По сравнению с современными серпами¹¹ у старинных серпов не только рабочая часть лезвия и предручье, но даже «ушки» — захваты, служащие для закрепления деревянной ручки серпа, были значительно уже и тоньше. Для того, чтобы такими маленькими серпами было удобнее работать, деревянную ручку «вад» (Вахан), «даста» (Ишкашим) делали длиннее, чем у современных серпов.

Одни и те же серпы употребляли при жатве травы и злаков, ими срезали ветви кустарников для веников и при заготовке хвороста.

В конце XIX — начале XX в., когда стали получать железо из России, местные кузнецы изготавливали серпы с большими лезвиями (до 20—22 см). Такими большими серпами («луп зитр» в Вахане, «катта дур» в Ишкашиме)¹² жали только зерновые и бобовые культуры, а малого размера серпами «дзықлай зитр» (Вахан), «чыт дур» (Ишкашим) — дикорастущие травы, так как ими жать траву удобнее.

Ваханский и ишкашимский серпы, с характерным изгибом гладкого лезвия и суживающимся заостренным концом почти не отличается от сер

⁸ И. Мухиддинов, Сельскохозяйственные орудия таджиков Ишкашимского района Горно-Бадахшанской автономной области Таджикской ССР (Горон, Ишкашим Вахан), «Сов. этнография», 1971, № 1, стр. 96, рис. 3; сравн.: Н. И. Вавилов Д. Д. Букнич, Земледельческий Афганистан, стр. 183—184, рис. 78 и 79; G. Legche, Observations on harvesting with sickles in Iran, «Tolls and Tillage», vol. 1, № 1, 1968, p. 33, fig. 1, p. 35, fig. 3—4, 5, 12—13; H. Rasmussen, Grain Harvest and threshing in Calabria, «Tolls and Tillage», vol. 1, № 2, 1969, p. 94, fig. 2.

⁹ Серпы (несколько отличной от ишкашимских формы) из рога горного козла ныне употребляются на юге Ирана, в селе Держеси, см.: G. Legche, Указ. раб., стр. 35, фиг. 3 и 4.

¹⁰ И. Мухиддинов, Указ. раб., стр. 95, рис. 3, 1 и стр. 96.

¹¹ М. Р. Рахимов, Земледелие таджиков бассейна р. Хингоу..., стр. 39, рис. 113—14; его же, Сельское хозяйство, в кн.: «Таджики Каратегина и Дарваза», рис. 12, 6—7. М. С. Андреев, Таджики долины Хуф, вып. II, стр. 44, рис. 7 и 8.

¹² Начиная с 1920-х гг. серпы стали изготавливать с еще большим лезвием (до 30—35 см) и их называют теперь «луп зитр» (Вахан) и «катта-дур» (Ишкашим), а серпы с лезвием до 20—22 см теперь называют средними — «миёна витр» (Вахан) и «дур миёна» (Ишкашим), см.: И. Мухиддинов, Указ. раб., стр. 96.

поз таджиков Каратегина и Дарваза¹³, Северного Таджикистана¹⁴ и прилегающих к Самарканду районов¹⁵.

У ваханских и ишкашимских серпов несколько меньше изгиб лезвия, отмечается небольшая кривизна припаянного железного длинного предручья с ушками — захватом для укрепления в ручке и небольшим деревянным выступом на рукоятке, предохраняющим руку жнеца от соприкосновения с колючими и острыми предметами.

Ваханский и ишкашимский серпы отличаются от афганских¹⁶ меньшей кривизной лезвия и более длинным предручьем, от иранских¹⁷ и армянских¹⁸ меньшим размером рабочей части лезвия и более длинным железным предручьем.

Серпы с гладкими лезвиями широко распространены у народов Средней Азии, Афганистана, Ирана, Кавказа, Центральной и Южной Европы.

В Вахане и Ишкашине отсутствовали серпы с зазубренным лезвием, наличие которых отмечено в Каратегине и Дарвазе¹⁹, в Узбекистане²⁰ и Афганистане²¹.

Жатву травы не начинают до ее полного созревания, так как иначе объем заготовленного сена значительно уменьшится после просушивания и в таком сене сохраняется меньше питательных веществ.

Жатва дикорастущих трав продолжалась от одной до двух недель (последняя неделя июля и первая неделя августа). В Вахане и Ишкашине жали дикорастущую траву в основном на межах «чарм» (Вахан), «риш» (Ишкашим). В Вахане и Ишкашине не было отдельных участков земли, используемых постоянно под сенокос, как это имело место в соседних Шугнанах и Рушанах²², в Дарвазе²³.

При жатве дикорастущих трав, срезании ветвей кустарников, а также при жатве зерновых (начинавшейся после жатвы травы), на левую руку, для предохранения ее от травмы, надевали специальную рукавицу «дастмуза», сшитую из бараньей или козьей сыромятной кожи. Кожаные чехлы, надеваемые на пальцы во время жатвы, которые распространены в долине Хингоу²⁴, в Иране²⁵, в Италии (Калабрия)²⁶, в Вахане и Ишкашине были неизвестны.

Кроме специальной рукавицы, жнецы в Вахане и Ишкашине надевали сшитые из сыромятной бараньей или козьей кожи штаны — «шаволыкн пустин».

В прошлом в Вахане и Ишкашине строго соблюдали запрет — табу — на пользование железными серпами в период после сева и до полного созревания дикорастущих трав. По поверью, соблюдение этого табу предохраняло посевы от стихийных бедствий и затвердения зерен злаков ран-

¹³ М. Р. Рахимов, Земледелие таджиков бассейна р. Хингоу, стр. 39, рис. 13—14; его же, Сельское хозяйство, стр. 24, рис. 12 — «6» и «8».

¹⁴ Н. Н. Ершов, Сельское хозяйство, стр. 38, рис. 17.

¹⁵ Л. А. Фирштейн, Земледельческие орудия таджиков и узбеков (по материалам МАЭ) в кн.: «Традиционная культура народов Передней и Средней Азии. Сб. Музея антропологии и этнографии», т. 26, Л., 1970, стр. 174, рис. 6.

¹⁶ Н. И. Вавилов, Д. Д. Букиннич, Земледельческий Афганистан, стр. 183, рис. 78.

¹⁷ G. Lerche, Указ. раб., стр. 35, фиг. «3» и «4».

¹⁸ «Народы Кавказа», том II, М., 1962, стр. 467, рис. 11, рис. 12.

¹⁹ М. Р. Рахимов, Сельское хозяйство, стр. 124, рис. 12 «8».

²⁰ Л. А. Фирштейн, Указ. раб., стр. 177; М. Р. Рахимов, Сельское хозяйство, рис. 12 «7».

²¹ Н. И. Вавилов, Д. Д. Букиннич, Указ. раб., стр. 183, рис. 78, справа второй.

²² М. С. Андреев, Таджики долины Хуф, вып. II, стр. 73.

²³ Таджики Дарваза, так же как и в Хуфе, в прошлом имели отдельные сенокосные участки в горах и ущельях. Эти участки назывались по имени хозяина — «кахдыравон Давлят» (сенокос Давлята).

²⁴ Н. А. Кисляков, Старинные приемы земледельческой техники..., стр. 117—118; М. Р. Рахимов, Земледелие таджиков бассейна р. Хингоу, стр. 68.

²⁵ G. Lerche, Указ. раб., стр. 38, фиг. 9.

²⁶ H. Rastussep, Указ. раб., стр. 94, фиг. 3.

него сева. К жатве приступали только при наступлении «благоприятного времени», «счастливого дня». Боясь общественного осуждения, в Вахане и Ишкашине никто не смел начать жатву до «счастливого дня». Если начать жать серпом до этого дня, то зерновые культуры подвергнутся болезни — «гарди реф» (Ишкашим) — буквально: «пыль веника». В Вахане

Рис. 2. Жатва в полусогнутом положении

эта болезнь неизвестна, но запрет на пользование серпами до «счастливого дня» существовал.

Начало жатвы отмечалось обильным угощением «наврас»²⁷. В первую очередь заготавливали дикорастущие травы на корм скоту (этим занимались мужчины), жатвой же священной травы для «окуривания» и в целях изгнания «злых духов», срезанием веток кустарника для веника «реф» (только в Ишкашине) занимались женщины.

Существовало, в зависимости от микрорельефа, два способа жатвы: на склонах чаще жали стоя, в полусогнутом положении, другой способ — на более ровной местности, сидя на корточках «сыбриндырывақ» (Вахан)²⁸, иногда опираясь одним коленом на землю. Нередко пользовались, чтобы меньше уставать, попеременно обоими способами, но наилучшим считалось полусогнутое положение. В процессе жатвы выделялось два приема: «с захватом» и «без захвата». При жатве серп держат в правой руке, а левой захватывают пучок травы или колосьев ближе к корням. Прием «с захватом» («кавзадырыв» в Вахане, «мыштадырайук» в Ишкашине) характеризуется тем, что при захвате пучка травы или злаков, ладонь левой руки оказывается под пучком, мизинец — внизу, большой палец — наверху.

Все виды зерновых убирали только этим приемом. Если жнец не пользовался им, то это считалось грехом, который повлечет за собой потерю значительной части урожая. Поэтому крестьяне приучали с малолетства своих детей пользоваться правильно этим приемом.

При жатве дикорастущих трав прибегали иногда к видоизмененному приему «с захватом» («тырчапдырыв» в Вахане, «чапдырайук» в Ишкашине). Отличие от первого вида приема «с захватом» заключалось в том,

²⁷ А. З. Розенфельд, Материалы по этнографии и пережиткам древних верований таджикоязычного населения Советского Бадахшана, «Сов. этнография», 1970, № 3, стр. 117.

²⁸ В Ишкашине специальный термин отсутствует.

что левой рукой захватывали пучок травы таким образом, что ладонь ее оказывалась поверх пучка, мизинец — наверху, а большой палец — внизу.

Из нескольких лучков сжатой травы или злаков в левой руке составлялась большая охалка колосьев или травы — «мыштак». Пять — шесть таких охалок укладывали на землю одну за другой, образуя вытянутой формы кучу «дзоп» (Вахан), «воп» (Ишкашим). Ее придавливали ногой, чтобы плотнее лежала до просыхания, сверху часто прижимали камнями, чтобы ее не разметал сильный ветер.

Второй прием жатвы — «без захвата» («шопдингак», «шопдырывын» в Вахане, «шопде», «шопдырайук» в Ишкашине) по технике выполнения (букв. «шоп» — сабля, т. е. «рубить саблей») напоминает косьбу: жнец, сжав вначале первым приемом два — три пучка травы, но не кладя их на землю, сильным взмахом правой руки, без захвата рукой и серпом следующего пучка срезал его под корень, а левой выбрасывал вперед всю охалку — и первые пучки и срезанные стебли.

Рис. 3. Жатва на коротках

Жатва «без захвата» обычно применялась при уборке люцерны, где в поле нет камней. Дикорастущие травы таким приемом жать нельзя, так как от сильного удара о камень серп сломается. Этот прием использовали и при жатве травы на межах. Как исключение, прием «без захвата» применялся при уборке зерновых культур, стебли которых полегли от сильного ветра под тяжестью колосьев.

Бобовые, при редких всходах, жали «с захватом», а при густых всходах — «без захвата».

Просыхала трава в течение 7—10 дней. Ворошили (рукой) траву один раз. До начала жатвы зерновых мужчины переносили сено на спине при помощи специального деревянного приспособления²⁹ «кышт» (Вахан), «кушт» (Ишкашим) в хлев или на крышу какой-либо хозяйственной постройки. Сено старались убрать раньше начала жатвы зерновых, так как после нее переносили снопы злаков на ток, чтобы пустить на жнивные скот.

А. В. Розенфельд отмечает, что время начала жатвы и местонахождение «звезды Акраб» (созвездие Скорпиона) определяли муллы. По нашим материалам у ваханцев и ишкашимцев «благоприятный», «счастливый» день и час начала жатвы определял местный знаток астрологии — Замрад, живший на левом берегу Вахандарьи. Сайид-Абдуррахман-хан («пир» — духовный глава местных исмаилитов) из кишлака Ширгин через своего посыльного запрашивал у Замрада о времени начала жатвы и сообщал его всем своим мюридам во всех кишлаках Вахана. Звезда «Акраб» — «ситораи акраби», «ситораи нахс» — по народному представлению — «звезда неблагоприятия». Выходя на поле, нельзя было смотреть на это созвездие и по указаниям своих халифá (представителей местного духовенства) крестьяне шли в поле таким путем, чтобы быть все время спиной к этому созвездию. По поверью, если кто-либо нарушит этот запрет, то с ним случится беда, и он принесет несчастье всему кишлаку.

²⁹ И. Мухиддинов, Указ. раб., стр. 98, рис. 5; Л. Ф. Моногарова, Материалы по этнографии язгулемцев, «Среднеазиатский сборник», II, М., 1959, стр. 17, рис. 8 «б»; М. С. Андреев, Таджики долины Хуф, вып. II, стр. 52, рис. 12, фиг. 2—3.

Этот запрет соблюдался и при обряде «Наврас» — приношении в дом самым старшим в семье пучка ячменя нового урожая. Причем, желательным было по дороге за этим пучком ни с кем не встретиться. Если же этого избежать не удавалось, то на встречного нельзя было смотреть, поздороваться надо было без рукопожатия и быстро разойтись. Если крестьянин после этой встречи попадал в беду, то виновником ее считали встречного, и в дальнейшем односельчане сторонились этого человека.

Рис. 4. Переноска снопов при помощи специального деревянного приспособления *кыш*

При входе старейшего в дом пучком ячменя, хозяйка приветствует его словами: «Мубораки нав! Хоча — Абдыллон деҳқо рузи неку соати нек, тани сиҳат чамъиятии чам насиб кыни» — «Поздравляю с новым! (ячмене нового урожая. — И. М.). Де: земледелец (покровитель земли) делия. — И. М.), подари на спокойствие, счастливый день час, доброе здоровье и всем людям спокойствие». Приговаривая так, хозяйка осыпала правое плечо старейшего мукой. Вслед за этим старейший делил принесенный пучок ячменя на пять частей (по 5—6 колосьев в каждой) и привязывал их к пяти деревянным опорным столбам³⁰ кровли дома. Колосья оставались привязанными до следующего нового года. Каждое хозяйство готовило угощение — либо мясной суп — «шурпо», либо из пахтанья или из сыра — «қурут», топленого масла и горячих лепешек приготавливали «курутоб», либо варили

молочную рисовую кашу. Такое угощение односельчане несли в дом старосты кишлака, угощение съедали, читали молитву и расходились.

Когда в конце XIX в. в каждом кишлаке вследствие раздела больших семей увеличилось число хозяйств, то приготовленное в «Наврас» угощение относили в дом старейшего своей родственной группы («авлод»).

Рано утром следующего дня интенсивно начинали жать ячмень.

В начале жатвы зерновых культур, когда еще не все виды злаков созрели, уборкой их занимались члены семьи владельца земли. Но с последней недели августа и особенно после первой половины сентября при созревании всех злаковых, во многих хозяйствах требовались дополнительные рабочие руки.

Зажиточные хозяйства приглашали наемных работников, которым за день работы платили один «пор» зерна («пор» — единица измерения сыпучих тел, измерялся выдолбленным из дерева конусообразным сосудом, в который входило от половины до полутора пудов зерна). Наемные работники трудились вместе с хозяевами.

Большинство хозяйств устраивали «помочь». Хозяин, созвавший помощь, кормил работающих у него. Перед началом жатвы, самый старший и авторитетнейший из жнецов определял участок работы для каждого жнеца. Такой жнец делил поле вдоль на несколько равных частей, отде-

³⁰ Эти пять опорных столбов кровли в доме олицетворяют пять исмаилитских пророков: Мухаммеда, Али, жену Али — Фатиму, сыновей Али — Хасана и Хусейна.

ляя эти части друг от друга сжатой полосой, которую сам жал. Таких жнецов так же как в Дарвазе, Каратегине и Кулябе, называли «палабыр» — «перерезающий участок».

В разгар жатвы продолжали работать до позднего вечера, а если была луна, то и ночью. Отдыхали только во время завтрака, обеда и ужина. Жнецы очень чисто жали злаки и траву. Если серп притупился и начинал плохо срезать стебли злаков, то их выдергивали рукой прямо с корнями. Чистота жатвы особенно характерна для ваханцев и ишкашимцев³¹.

При жатве зерновых, как мы уже отмечали, за двумя — пятью жнецами шла вязальщица. Иногда жнец, при недостатке в хозяйстве рабочих рук, сам связывал сноп «дырзг» (Вахан), «дарза» (Ишкашим).

Свясло («дырзгвыш» в Вахане, «дарзабанд» в Ишкашине) при большой высоте стеблей злаков делали из сжатых стеблей, а при небольшой их высоте — стебли вырывали с корнями и, разделив их на два пучка, скручивали их, перегибая стебли у начала колоса; этот узел называется «чырых» (Вахан), «гыре» (Ишкашим). Для свясла выбирали менее спелые стебли, чтобы при связывании они не ломались. Если стебли были очень короткие, то свясло делали из травы, росшей на межах.

Если по какой-либо причине на одном из участков пропускали благоприятный момент для жатвы ячменя (когда его стебли высыхали), то такой участок поливали, чтобы колосья во время жатвы не осыпались и стебли можно было использовать на свясла. Жали на нем через двое суток после полива с раннего утра до 10—11 часов, и вечером — после шести.

Готовое свясло клали на землю, на него — пять-шесть сжатых охапок и, чтобы концы свясла удобно было держать в руках для свивания «дырзг вындак» (Вахан), «дарза вонд» (Ишкашим), нажимали коленом или стопой.

Свясло для проса чаще всего делали из травы, так как стебли у проса ниже, чем у других злаков.

Бобовые после жатвы не связывали в снопы, а несколько охапок, перекутив, укладывали одну на другую, образуя большие кучи «воп» (Вахан), «велок», «веб» (Ишкашим) и оставляли в поле для просушки на 8—10 дней.

Через четыре-пять дней их переворачивали «воп фарйирвын» (Вахан), «велок былгон» (Ишкашим), чтобы они полностью просохли.

В кишлаке Рын (Ишкашим) при завершении жатвы на отдельном участке земли, когда оставалось злаков на 2—3 снопа, говорили: «Скорее жните, чтобы не болела голова поля». После этого все жнецы по одному пучку жали оставшиеся колосья.

Одухотворение поля у таджиков изучаемого региона, является пережитком древних анимистических верований, как и у таджиков других районов — бассейна реки Хингоу³², Ягноба³³ и кулябской группы районов. Срезая последний пучок, приговаривают: «Бурида бош, дили Дехкон шод бош!» «Срезали (т. е. сжали), сердце крестьян, радуйся!». Это обращение — обращение к Деду-земледельцу, покровителю земледелия. По поверью, он с окончанием жатвы каждого поля радуется и дарит людям счастье и благополучие в хозяйстве.

Завершение жатвы отмечалось обрядом «досовез» — «вешание серпа». Серп до следующего сезона жатвы больше не применяли. Жнецы при жатве последнего пучка зерновых опять повторяли обращение к Деду-

³¹ Чистота жатвы зерновых и трав отмечена также в Зебаке (Афганский Бадахшан) и в долине Ягноба (Зеравшанские горы в Таджикистане). См.: М. С. Андреев, А. А. Половцев, Указ. раб., стр. 26; М. С. Андреев, Материалы по этнографии Ягноба, Душанбе, 1970, стр. 73.

³² Н. А. Кисляков, Старинные приемы земледельческой техники..., стр. 120; М. Р. Рахимов, Земледелие таджиков бассейна р. Хингоу..., стр. 213—215.

³³ М. С. Андреев, Материалы по этнографии Ягноба, стр. 75.

Рис. 5. Скирда *сарчук*, сложенная из снопов «колосьями наружу»

земледельцу, вешали на шею хозяина серп, и кричали «досовез!», требуя вкусного угощения, и не снимали серпа, пока он не обещал. Если хозяин не давал сразу согласия на угощение, то серпом ему надавливали на шею, пока он не соглашался угостить жнецов.

Снопы злаков складывали в скирды по 18—22 снопа, т. е. такое количество снопов, которое может за один раз перенести при помощи «кышт» один мужчина с поля на гумно.

Иногда число снопов в скирде увеличивалось пропорционально числу мужчин, занятых переносом снопов. Снопы в скирды складывали двумя приемами, в зависимости от степени зрелости: первый прием (если зерно еще не совсем созрело) — колосьями во внутрь («кып» в Вахане, «сарзер», «ганык» в Ишкашине); второй прием (если зерно зрелое) — колосьями наружу («сарчук» в Вахане и Ишкашине).

Снопы в скирды складывали те, кто участвовал в связывании снопов. Женщины это делали на поле своего хозяйства, а мужчины кроме того и при участии в «помочи».

Просо складывали в скирды всегда колосьями во внутрь, так как оно дает все время молодые побеги, которые к жатве часто не совсем созревают. Кроме того, птицы особенно любят клевать просо и от них необходимо прятать колосья.

В Ишкашине скирды ставили на сжатом поле, а в Вахане снопы перетаскивали в день жатвы на гумно и там складывали в скирды колосьями во внутрь и оставляли на полторы — две недели. В Ишкашине перед переносом на гумно снопов проса у скирды расстилают палас, на него кладут кышт и, осторожно выбирая из скирды снопы, укладывают их на него. Идя до гумна, шагают так, чтобы не осыпались зерна проса. Когда снопы из скирды перенесут на гумно, палас, положенный около скирды, берут за углы и осторожно переносят к следующей скирде, и так этот палас перетаскивают до последней скирды. Когда все снопы будут перенесены, зерно собирают с паласа, стараясь не просыпать. Перенос снопов производился только мужчинами.

В силу географических и социально-экономических условий другие виды транспортировки отсутствовали. Ослов использовали для перевозки с гумна зерен пшеницы в мешках, для перевозки удобрений на даль-

ние поля. Главная причина, по которой на ослах не перевозили снопы, это то, что при такой перевозке, по словам местных жителей, теряется и осыпается значительное число колосьев.

Переноска снопов начиналась на рассвете и продолжалась, если светила луна, до 10—11 часов следующего утра.

Привезенные снопы складывали в большую скирду «луй» (Вахан), «луй» (Ишкашим).

Сено таким же способом переносили во двор³⁴, где из охапок на крыше хозяйственных построек складывали большой стог.

Если для переноски снопов созывали помочь, то окончание ее отмечали специальным угощением. Существовал особый обряд — «кыштовез» (Вахан), «куштовез» (Ишкашим), когда после переноса последнего снопа участвовавшие в помощи мужчины старались повесить на шею хозяину «кышт» (деревянное приспособление для переноса снопов) и с силой надавить на шею, хотя хозяин и старался уклониться от этого, обещая обильное угощение.

В заключение следует отметить, что некоторые особенности высокогорного земледелия, проявляющиеся в процессе жатвы, свидетельствуют о древности земледелия в изучаемом районе.

Как мы уже упоминали выше, еще в XIX веке, наряду с железными серпами, крестьяне продолжали часто пользоваться и предшествовавшими им более древними орудиями уборки — серпами, изготовленными из рога горного козла.

Особенности географического положения — изолированность высокогорных долин Западного Памира, в частности Вахана и Ишкашима от культурных центров Средней Азии и Афганистана, господство при крайнем малоземелье натурально-патриархального уклада в хозяйстве, обусловили сравнительно позднее проникновение в эти районы железных серпов. Из-за дороговизны последних древние орудия уборки, сохранявшиеся в горных районах на периферии крупных феодальных государств, бытовали в крестьянской среде еще в XIX веке. Один из приемов, а именно — выдергивание стеблей злаков и трав вместе с корнями, также свидетельствует о древности земледелия в Вахане и Ишкашине.

Следует отметить также, что хозяйственно-культурная общность памирских таджиков с соседними народами Средней и Передней Азии, проявляется не только в наличии земледелия, основанного на искусственном орошении, общности форм орудий труда, но также способов и приемов отдельных земледельческих процессов (при жатве, например; особенно при жатве — в полусогнутом состоянии и на короточках, при жатве «с захватом» и «без захвата»).

О давних исторических связях памирских таджиков с таджиками других районов Таджикистана, с другими древними земледельческими народами Средней и Передней Азии свидетельствуют также и пережитки некоторых аграрных культов, особенно почитание патрона земледелия — Бобо-и-дехкана³⁵.

---

³⁴ Иногда сено складывали в помещении рядом с хлебом. Люцерну, солому от злаков (пшеницы, ячменя) и бобовых складывали в сараи «ушдун».

³⁵ М. С. Андреев, По поводу процесса образования примитивных среднеазиатских древних цехов и цеховых сказаний, «Этнография», 1927, № 1—2; Н. А. Кисляков, Старинные приемы земледельческой техники, стр. 114—115; М. Р. Рахимов, Земледелие таджиков бассейна р. Хингоу, стр. 182—184; В. Н. Басилов, Культ святы в исламе, М., 1970, стр. 12, 13, 20.